

УДК 101.1:316

ПУБЛИКАЦИИ В ПОЛЕ НАУКИ: МЕСТО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА В СИСТЕМЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА П. БУРДЬЕ¹

Шкорубская Е. Г.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: shkorubska@gmail.com

В данной статье рассматривается концепция поля науки Пьера Бурдьё, представляющая научное сообщество как пространство борьбы за символическую власть или научный авторитет, который выражается в монополии на научную компетентность, в праве определять, что является наукой. Сопоставляются подходы Роберта Мертона и Пьера Бурдьё к системе вознаграждения, действующей в научном сообществе и побуждающей учёных соблюдать определённые нормы и оформлять свою коммуникацию в более-менее устойчивые формы. Отмечается, что символическое вознаграждение, которое учёные получают за те или иные действия, является специфическим типом символического капитала, определяющего место индивида в социальной группе или в социальном пространстве науки. Рассматриваются два типа символического капитала, действующего в поле науки – «специфический научный капитал» и «временный капитал». С опорой на концепцию символического капитала определяется место научного журнала в системе символического производства поля науки. Выделяются такие функции научного журнала, как фильтрация агентов на входе в поле науки и оценка действующих агентов, участвующих в научной борьбе. Определяются публикационные стратегии, способствующие приумножению различных типов символического капитала.

Ключевые слова: Пьер Бурдьё, габитус, поле науки, символический капитал, научный журнал, публикационные стратегии, текстовое поведение

С увеличением социальной значимости науки, проявившейся сперва в научно-техническом прогрессе, а затем в породившей взрыв научно-технической революции, всё больший интерес исследователей стал уделяться тому, в какие социальные формы облекается деятельность учёных. Одной из таких форм социального взаимодействия является письменная коммуникация, позволяющая фиксировать знание в тексте и благодаря этому сохранять и передавать его. Как отмечает Ив Жэнгра, «профессия писца может рассматриваться как первая форма институционализации производства знания» [1, С. 29]. Именно с различными формами письменных практик и с использованием их для координации, кооперации, коммуникации самостоятельно действующих учёных мы связываем становление и развитие научного сообщества – начиная с *Respublica literaria* и

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

вплоть до современных социальных сетей учёных. Многие институциональные нормы, процедуры и практики, влияющие на поведение социальных акторов-учёных в научном сообществе, оговаривают именно практики письма, практики текстового поведения. Способы публикации научных текстов, виды научных текстов, образцы научного языка и аргументации, практики цитирования и споры о первенстве занимают в развитии науки не последнее место. Более того, значимость научных текстов столь велика, что именно по ним (и, в частности, по научным статьям) в настоящее время оценивается работа учёного. В данной статье мы применим к анализу публикационных практик концепцию поля науки Пьера Бурдьё (1930–2002). Новизна исследования состоит в выявлении влияния двух типов символических капиталов, действующих в поле науки, на выбор публикационной стратегии.

Уже Роберт Мертон обратил внимание на систему вознаграждения, которая побуждает учёных, во-первых, соблюдать нормы, предписанные этосом науки (которые основаны на институциональной цели науки и двух технических, или методологических, нормах – требованиях эмпирического подтверждения данных и логической непротиворечивости, что делает их методологически обусловленными) [2], а, во-вторых оформлять свою коммуникацию в более-менее устойчивые формы. Ведь вознаграждение возможно лишь после некоторой оценки работы учёного, а для её проведения необходим предмет оценки – полученное знание. Научная статья является одной из форм, в которых фиксируется получаемое знание и которые позволяют оценить его значимость для науки в целом: «Введение этого нового знания в систему научного знания происходит через рецензентов, редакторов и других “привратников науки”, или экспертов, которые его оценивают; если оценка положительна, знание, полученное ученым, становится вкладом» [3, С. 55]. Учёный, вклад которого был должным образом оценён, получает своего рода «интеллектуальный капитал», накопление которого способствует построению научной карьеры и делает более вероятным получение признания в дальнейшем (см., например, [4; 5]).

Подход Мертона, хотя во многом определил американскую традицию социологии как таковой, в части описания науки неоднократно пересматривался. В частности, гораздо полнее идея интеллектуального капитала и его значение для взаимодействия ученых раскрывается в теории Пьера Бурдьё, разработавшего концепцию символического капитала.

Критикуя Мертона за его концепцию «научного сообщества», существующего исключительно ради постижения истины, живущего по тем нормам, которые должны обеспечить верховенство знания, Бурдьё утверждает: «Официальная наука вовсе не является тем, чем ее чаще всего представляет социология науки, т. е. системой норм и ценностей, которую “научное сообщество”, этакая недифференцированная группа, навязывает и внушает всем своим членам, поскольку на революционную аномию способны лишь те, кто не смог пройти научную социализацию» [6, С. 481]. Систему вознаграждения он рассматривает не просто как «вспомогательный элемент», призванный обеспечить чистоту научного поиска и соблюдение институциональных норм. Символическое вознаграждение,

которое учёные получают за те или иные действия, является лишь специфическим типом символического капитала, определяющего место индивида в социальной группе или в социальном пространстве в целом. Для того, чтобы охарактеризовать научное сообщество с позиции Бурдьё, необходимо прояснить основные понятия, которые он вводит в социальную теорию: габитус, социальное пространство и символический капитал.

Социальное пространство – это пространство позиций, сформированное объективными связями, определяющими их взаимное расположение. Но социальное пространство не тождественно пространству географическому (хотя иногда и создаётся впечатление некоторой «реальности» пространственных отношений в силу наблюдаемой сегрегации социальных групп). Размещение агентов, групп и институций и есть позиции, занимаемые ими в социальном пространстве. Объективные связи, формирующие эти позиции, несводимы к простым взаимодействиям агентов, но проявляются через взаимодействия, связанные с распределением социальных ресурсов: «Эти объективные связи суть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов, которые являются или могут стать действующими, эффективными, как козыри в игре, в ходе конкурентной борьбы за присвоение дефицитных благ, чье место – социальный универсум. Основными видами такой социальной власти являются, согласно моим эмпирическим исследованиям, экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал – форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные. Таким образом, в социальном пространстве агенты распределены в первом измерении по общему объёму имеющегося у них капитала во всех его видах, и во втором измерении – по структуре их капитала, т.е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объёме капитала, которым они располагают» [7, С. 70]. Научный капитал, как будет показано далее, представляет собой особую форму символического капитала, который может конвертироваться в любой другой капитал.

Агенты, в свою очередь, не пребывают пассивно в социальном пространстве, но опосредованно, через конструирование собственных воззрений на мир, вовлечены в конструирование этого мира. Это активное восприятие мира определяется Бурдьё как габитус, который обуславливает представление агентов о социальном мире и, как следствие, их поведение: «Итак, представления агентов меняются в зависимости от их позиции (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, понимаемого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик» [7, С. 75]. Специфика социального генезиса состоит в том, что, с одной стороны, диспозиции агентов, т.е. их габитус, представляют собой преимущественно продукт интериоризации структур социального мира. С другой стороны, габитус через восприятие и оценивание практик выражает состояние отношений с символической властью, которая наиболее полно воплощается в возможности образовывать социальные группы

через их название: «богатые» и «бедные», «буржуа» и «пролетарии», «учёные» и «не-учёные». Таким образом, позиции агентов в социальном пространстве частично определяют их диспозиции (ведь мы соотносим своё восприятие действительности с тем, какое место в ней мы занимаем), и, в свою очередь, диспозиции позволяют агентам заново промаркировать это социальное пространство, опираясь на символический капитал, накопленный ими на занимаемой ранее позиции.

В своих работах Пьер Бурдьё отказывается от концепта единого, однородного и с необходимостью всеохватывающего «научного сообщества», заменяя его понятием поля, которое становится пространством символической борьбы: «Сказать, что поле есть место борьбы, значит не только разорвать с примиренческим образом “научного сообщества”, как его описывает научная агиография и часто – вслед за ней – социология науки, т. е. с идеей своего рода “царства целей”, которое будто бы не признает иных законов, кроме закона чистой и абсолютной борьбы идей, безошибочно направляемой внутренней силой истинной идеи. Это значит также утверждать, что само функционирование научного поля производит и предполагает специфическую форму интереса (научная практика выглядит “незаинтересованной” лишь относительно других интересов, производимых и востребованных другими полями)» [6, С. 474–475]. Более того, ставится под сомнение сама идея «чистой» науки, совершенно автономной и развивающейся в соответствии со своей внутренней логикой. Безусловно, поле науки является автономным, насколько это возможно, но отнюдь не потому, что регулируется методологически обусловленными нормами, о которых говорил Р. Мертон, и подчинено лишь одной идее – получению знания ради самого знания.

В чём же специфика научного капитала, за обладание которым сражаются участники игры? Бурдьё определяет «ставки» в этой игре следующим образом: «Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [6, С. 474]. С увеличением количества накопленных ресурсов повышается и автономность поля, которое в конечном счёте стремится ограничиться совокупностью учёных. Этот процесс автономизации поля, который будет рассмотрен позже, хорошо прослеживается на уровне дисциплинарного деления науки: чем больше ресурсов (наличных знаний, инструментов, методов) накапливается в определённой исследовательской области, тем скорее она завоёвывает монополию на описание некоторого сегмента действительности.

Итак, научный капитал, накапливаемый участниками борьбы в поле науки, во-первых, даёт право на вынесение суждений от имени науки (а, значит, суждений, подкреплённый авторитетом науки, которая является общепризнанным источником истинного знания), и, во-вторых, обеспечивает доступ к ресурсам, способствующим ещё большему накоплению научного капитала (доступ к лабораториям, грантам,

научным журналам и т.д.). Специфика символического капитала в науке заключается в том, что этот капитал привязан к имени учёного, неотчуждаем и непередаваем, а также носит выраженный немонетарный характер (т.е. напрямую не выразим в денежном эквиваленте, хотя и может конвертироваться в некоторую экономическую выгоду): «Накопить капитал означает “сделать себе имя”, имя собственное (а для некоторых – имя в прямом смысле слова), имя известное и признанное, знак, по которому сразу можно определить его носителя, выделяя его как некую форму, заметную на недифференцированном, неразличимом, темном фоне, в котором растворено все общее» [6, С. 484]. Связывание символического капитала с именем учёного проявляется в том числе в активном применении эпонимии – названия открытого объекта или явления именем открывшего его учёного. Потому так важны и споры о приоритете, о которых писал Роберт Мертон. В этом прослеживается их согласие с Бурдьё, что, впрочем, уже является общим местом в социологии науки – место учёного в сообществе определяется вкладом учёного, который оценивается как таковой его соперниками-соратниками. Однако Бурдьё ставит распределение научного капитала в центр функционирования поля науки как такового: «Структура научного поля определяется в каждый данный момент соотношением сил между участниками борьбы, агентами или институциями, т. е. структурой распределения специфического капитала как результата предшествующей борьбы, который объективирован в институциях и диспозициях и который регулирует стратегии и объективные шансы различных агентов или институций в борьбе нынешней» [6, С. 486]. Будучи местом борьбы за научное доминирование, поле науки предписывает исследователям определённые стратегии поведения, позволяющие выиграть в этой борьбе. В этом отношении публикация в журнале является одним из средств получения преимущества в научной конкуренции. Выбор места публикации, или выбор между поспешной публикацией частично проверенных результатов и поздней публикацией полностью контролируемых результатов направлен на увеличение «научной прибыли», т.е. признания со стороны коллег-конкурентов.

В силу того, что никакое социальное поле не обладает полной автономией, и поле науки в том числе, стратегии действующих внутри него агентов не могут быть разделены на научные и социальные. Поэтому отношения силы, конституирующие поле, определяются двумя типами символического капитала: собственно научным (его накопление зависит исключительно от научной деятельности агента) и временным, который выражается в получении власти над научным миром, может быть накоплен через каналы, которые не являются исключительно научными, и носителями которого является бюрократическая прослойка поля науки – министерство, ректоры университетов, директора академий и другие «научные администраторы» [8, Р. 56–57]. При этом временный символический капитал в большей степени связан с отдельными государствами (поскольку именно он обрамляет то, что иногда называется «национальной наукой»), в то время как чисто научный капитал носит скорее международный характер. Соотношение этих типов символического капитала в поле науки зависит от степени автономности поля – чем выше автономия, тем сильнее иерархия связана с распределением научного

капиталом, уменьшение же автономии поля может выводить временный капитал на первый план, вплоть до полного подчинения сугубо научных вопросов бюрократической целесообразности, экономической выгоде или политической идеологии. Соответственно, игроки, действующие на поле науки могут накапливать тот или иной вид символического капитала, выбор между которыми, согласно Бурдье, происходит в соответствии с «законом Ждановщины», «согласно которому, беднейшие в специфическом капитале, то есть наименее выдающиеся в соответствии с научными критериями, склонны обращаться к внешним силам, чтобы укрепить своё преимущество, а иногда даже добиться триумфа в научной борьбе» [8, Р. 58]. Возможно, именно наличие «временного» символического капитала в поле науки и его эффективность в условиях ограниченной автономии, порождает злоупотребление наукометрическими показателями и различные варианты научного мошенничества. В силу того, что количество публикаций позволяет продвинуться вверх по карьерной (административной) лестнице, те, кто выбирает этот путь в науке, могут не обращать внимания на оцениваемое сообществом качество журнала, в котором публикуются, не заботиться о содержательной значимости публикуемого материала, делегировать написание статей соавторам или требовать, чтобы подчинённые указывали их в числе соавторов, и даже не чураться плагиата. Данная стратегия поведения, безусловно, осуждается той частью сообщества, которая стремится к получению специфического научного капитала. Однако, поскольку в административной среде такая тактика напрямую не наказывается, но может принести конкурентное преимущество, её могут выбирать носители «временного капитала».

Как уже упоминалось, доминирование временного символического капитала над специфическим научным капиталом становится возможным в условиях ограниченности автономии науки. Говоря об автономии научного поля, Бурдье противопоставляет «чистой автономии» концепцию относительной автономии, которая не изымает науку из окружающей среды, но возникает как результирующая отношений научного поля и внешнего пространства: «Сказать, что поле относительно автономно по отношению к окружающей социальной вселенной, значит сказать, что система сил, составляющих структуру поля (напряжение), относительно независима от сил, воздействующих на поле (давление). У него как бы есть “свобода”, в которой оно нуждается для формирования своей собственной целесообразности, своей собственной логики, своих собственных законов» [8, Р. 47]. Эта автономия – не данность, она завоёвана в процессе исторического развития поля и нуждается в постоянной поддержке. Степень автономии социального поля проявляется в требовательности условий входа в поле. В науке эти входные требования достаточно высоки, более того, они постоянно растут – количество фильтров, которые необходимо пройти, увеличивается с институционализацией научного поля. Чем выше входные требования – тем более автономно поле, и повышение этих требований увеличивает степень его автономии: «...постоянное повышение пошлины за вход, предполагающее накопление специфических ресурсов, способствует в свою очередь автономизации научного поля, устанавливая социальный разрыв с невежественным миром непосвященных.

Этот разрыв носит тем более радикальный характер, что к нему как таковому и не стремятся» [6, С. 515].

Цена входа в научное поле – это «компетентность», «квалификация», специфический научный капитал (как определённый вид символического капитала), который оценивается теми, кто уже находится в поле науки. Примером проверки на компетентность, способность к научным исследованиям, является защита квалификационных работ – дипломов, диссертаций, и т.д. Но компетентность не сводится к некоторому уровню знаний и умений, необходимых для того, чтобы иметь возможность называться «учёным». Это инкорпорированная форма ресурсов науки, накопленных за всё время её существования, представляющая научный габитус – «практическое освоение нескольких столетий исследований и достижений – например, в форме представления о том, какие проблемы интересны и важны, или какой арсенал теоретических и экспериментальных схем может быть применен, путем переноса, к новым областям» [8, Р. 51]. То есть умение в рамках определённой дисциплины (математики, физики, биологии, филологии, социологии и т.д.) выбирать объект исследования, формулировать научную проблему, подбирать и применять соответствующие методы, и оценивать результаты принятых решений с точки зрения этой дисциплины является проявлением научного габитуса, а сформированность этого габитуса оценивается учёными как мера компетентности, позволяющая войти в научное поле. Но не только компетентность составляет научный габитус. Неотъемлемым элементом этой диспозиции является также само желание вступить в это поле, вера в то, что наука стоит того, чтобы заниматься исследованиями ради неё самой – то, что Бурдьё называет «*libido scientifica*», склонность, пристрастие к науке как таковой, «вера в игру», которая проявляется в том числе в подчинении требованию незаинтересованности. Это «социально конституируемая диспозиция, связанная с полем, которое вознаграждает незаинтересованность и наказывает любые отклонения от неё (в частности, научное мошенничество)» [8, Р. 53]. И компетентность, и пристрастие к науке формируются в процессе образования, под влиянием «педагогического воздействия» со стороны самих учёных. Таким образом, автономность науки тесно связана с институционализацией научной деятельности (где образование – один из фундаментальных институтов) и коллективной регуляцией пространства поля.

Итак, участники борьбы – агенты или институции – соперничают за обладание специфическим научным капиталом (который воплощается в монополии на научный авторитет), сопротивляются вмешательству внешних сил в игру на поле науки и осуществляют фильтр тех, кто намерен в поле попасть. Всё это обеспечивается ничем иным, как постоянным взаимным контролем конкурирующих агентов: «...Группа, обеспечивающая признание, постоянно – по мере того, как возрастают накопленные научные ресурсы и, соответственно, автономия поля – стремится ограничиться совокупностью ученых, т. е. соучастников» [6, С. 474]. Как уже было сказано, увеличение разрыва между учёными и не-учёными и, в конечном счёте, автономия, не является целью этой борьбы. Это закономерное следствие накопления научных ресурсов внутри поля и обусловленного им увеличения ценза

на вход в поле. Ценз столь высок в том числе и потому, что каждый участник состязаний за научный капитал должен быть в состоянии оценивать действия своих конкурентов, только благодаря этому, по мнению Бурдые, возможно поддержание самой структуры научного поля: «Каждый исследователь, работающий в этой области, подвергается контролю со стороны всех остальных, в частности, его наиболее компетентных конкурентов, в результате чего контроль становится гораздо более сильнодействующим, чем контроль со стороны отдельных личных достоинств или любой деонтологии» [8, Р. 48]. Здесь наиболее явно прослеживается расхождение Бурдые и Мертон по поводу работы механизма вознаграждения. Если, согласно Мертону, над научным сообществом довлеют методологически обусловленные этические нормы, а механизм вознаграждения работает как стимул, побуждающий эти нормы соблюдать, то для Бурдые не существует абстрактной нормативности – агенты соблюдают те или иные нормы, поскольку только таким образом они смогут овладеть символическим капиталом и поскольку их постоянно принуждает к этому оценка со стороны других агентов. Не разделяя сугубо научное и «политическое» (то есть то, что так или иначе касается распределения власти), Бурдые утверждает и социальное конституирование исследовательских норм: «Важным и интересным считается то, что имеет шансы быть признанным как важное и интересное другими, т. е. представить того, кто это производит, важным и интересным в глазах других» [6, С. 477]. Собственно, само существование в виде учёного, означает иметь некоторую «галочку» в системе восприятия, габитусе данной области, подвергнуться оценке других учёных и получить их признание: «отдельный производитель может достичь признания ценности своей продукции (“репутация”, “престиж”, “авторитет”, “компетентность” и т. д.) лишь через других производителей, которые, будучи одновременно конкурентами, менее всего расположены признавать заслуги коллеги без дискуссий и испытаний. Прежде всего *de facto*: только ученые, вовлеченные в одну и ту же игру, обладают средствами, позволяющими символически овладеть научным произведением и оценить его достоинства. Но также и *de jure*: тот, кто обращается к внешнему по отношению к полю авторитету, может себя лишь скомпрометировать» [6, С. 479]. Эта оценка и последующее признание производится разными способами – через уже упомянутую процедуру защиты квалификационных работ, через выдачу грантов, присуждение степеней, получение должности или финансирования, через допуск на конференции, и так далее.

Один из наиболее значимых механизмов взаимной оценки конкурентов – публикация научных работ (начиная с допуска к публикации как таковой и заканчивая цитированием работы как меры признания). Описанный механизм самооценки и самоконтроля научного сообщества был бы невозможен без института научных журналов, «которые путем селекции, осуществляемой в соответствии с господствующими критериями, обеспечивают признание продукции, отвечающей принципам официальной науки. Постоянно показывая пример того, что достойно назваться наукой, они осуществляют фактическую цензуру еретической продукции, либо открыто отказывая публиковать материал, либо просто отбивая охоту публиковаться, выдвигая собственные критерии “публикуемости”» [6, С. 491]. Так

журналы обеспечивают научное признание, то есть наделяют автора определённым символическим капиталом, дающим преимущество в дальнейшей борьбе (например, наличие публикаций в журнале из списка ВАК позволяет соискателю защитить кандидатскую или докторскую диссертацию). Но, помимо этого, именно журнал обеспечивает своего рода фильтрацию, цензурирование научного поля, не допуская к публикации материалы, не соответствующие официальному пониманию науки. В свою очередь, и сами авторы выбирают научный журнал в зависимости от его норм и требований. Практики и оценки, предписываемые габитусом, включают в том числе и самооценку, что побуждает учёного не подавать статью в тот журнал, в котором, по его мнению, его не опубликуют (например, вряд ли студент или аспирант философского факультета будет подавать статью в «Вопросы философии»). Так практические схемы поведения учёного обосновываются совокупностью институциональных механизмов, обеспечивающих (само)оценку и (само)отбор научных сотрудников.

Таким образом, мы видим, что концепция символического капитала Пьера Бурдьё обладает высоким потенциалом для исследования текстового поведения учёных, которое выражается в том числе в выборе публикационной стратегии. Разведение символического капитала на два типа – «специфически научный» и «временный» позволяет выделить такие публикационные стратегии, которые направлены на наработку именно временного капитала, и допускают пренебрежение капиталом специфически научным. Такие злоупотребления, как публикации в «хищнических» журналах, приписное и покупное авторство, недобросовестные заимствования, множественные публикации и пр., демонстрируют склонность авторов к накоплению временного (или административного) капитала. Данные практики соответствуют формальным требованиям современной научной политики, опирающейся на наукометрические показатели. То, что в этом случае игнорируется реальная оценка со стороны научного сообщества, не мешает представителям научного сообщества, выбравшим эту стратегию, занимать должности деканов, начальников лабораторий, проректоров, ректоров и министров – напротив, формально высокий рейтинг является основанием для построения административной карьеры. С другой стороны, учёные, избравшие путь накопления специфически научного капитала могут публиковаться в журналах, которые не входят в рейтинговые базы данных и системы цитирования (в силу новизны, узкой специализации или несоответствия формата текстов). При этом может замедляться продвижение по карьерной лестнице, но сохраняться и приумножаться признание от коллег по научному цеху.

Эффективность стратегии первого рода в условии низкой автономии науки можно увидеть в том числе и в ситуации отечественной науки, которая в достаточно значительной степени находится в сфере государственного регулирования (по крайней мере, в том, что касается распределения научных ресурсов).

Список литературы

1. Жэнгра И. Социология науки. –М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 112 с.

2. Merton R.K. The Sociology of Science. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. – 630 p.
3. Мирская Е.З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки: Критический анализ. – М.: Наука, 1988. – С. 42–60
4. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – вып. 3. – С. 256–276
5. Zuckerman H., Merton R. K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalization, Structure and Function of the Referee System // Minerva. Vol. 9. 1971. P. 66–100.
6. Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 473–517.
7. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 64–86
8. Bourdieu P. Science of science and reflexivity. –ChicagoandLondon: The University of Chicago Press, 2005. – 129 p.

Shkorubskaya E.G. Publications in the Scientific Field: The Place of a Scientific Journal in the P. Bourdieu System of Symbolic Production // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 59–69.

This article examines the Pierre Bourdieu concept of the scientific field, which represent the scientific community as a space for the struggle for symbolic power or scientific authority, which is expressed in a monopoly on scientific competence, in the right to determine what science is. The author compares the approaches of Robert Merton and Pierre Bourdieu to the reward system that functioning in the scientific community and encouraging scientists to comply with certain norms and formalize their communication in more or less stable forms. It is noted that the symbolic reward that scientists receive for certain actions is a specific type of symbolic capital that determines the place of an individual in a social group or in the social space of science. Two types of symbolic capital operating in the field of science are considered: “specific scientific capital” and “temporal capital”. Based on the concept of symbolic capital, the place of a scientific journal in the system of symbolic production of the field of science is determined. The functions of a scientific journal such as filtering agents at the entrance to the field of science and evaluating active agents participating in scientific struggle are highlighted. The publication strategies that contribute to the multiplication of various types of symbolic capital are identified.

Keywords: Pierre Bourdieu, habitus, scientific field, symbolic capital, scientific journal, publication strategies, textual conduct.

References

1. Zhengra I. Sotsiologiya Nauki [Sociology of Science] M.: Ed. House of the Higher School of Economics. 112p.
2. Merton R.K. The Sociology of Science. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. – 630 p.
3. Mirskaya E.Z. R. Merton i Ego Kontsepsiya Sotsiologii Nauki [R. Merton And His Concept of the Sociology of Science] // Sovremennaya Zapadnaya Sotsiologiya Nauki: Kriticheskii Analiz [Modern Western Sociology of Science: Critical Analysis]. M.: Nauka, 1988. P. 42–60
4. Merton R. K. Effekt Matfeya v Nauke, II: Nakoplenie Preimushchestv i Simvolizm Intellektual'noi Sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property] // THESIS. 1993. vol. 3. P. 256–276
5. Zuckerman H., Merton R. K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalization, Structure and Function of the Referee System // Minerva. Vol. 9. 1971. P. 66–100.

6. Bourdieu P. Pole Nauki [Scientific field] // Sotsial'noe Prostranstvo: Polya i Praktiki [Social Space: Fields And Practices]. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.:Aleteiya, 2005. P. 473–517.
7. Bourdieu P. Sotsial'noe Prostranstvo i Simvolicheskaya Vlast' [Social space and symbolic power] // Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.:Aleteiya, 2007. P. 64–86
8. Bourdieu P. Science of science and reflexivity. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. 129 p.